

УДК 9.93

**ВОЖДЬ КАК ВРАГ: НЕГАТИВНЫЕ КОННОТАЦИИ ОБРАЗА И. СТАЛИНА
В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ**

© 2013 г.

С.И. БыковаУральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург

sibyкова@mail.ru

Поступила в редакцию 15.12.2013

На материалах разнообразных документов (писем советских людей в официальные инстанции, частной корреспонденции, анекдотов, частушек) автор, отметив наличие разных мнений современников вождя, рассматривает их отрицательное отношение к социальной политике, ликвидации демократии в партии и государстве, к политическим репрессиям, инициатором которых они считали именно И. Сталина.

Ключевые слова: сталинизм, советская политическая культура, политические представления, советские люди.

Современные исследователи Дж. Кип и А. Литвин отметили наличие ностальгически-романтических настроений в отношении эпохи Сталина не только у значительной части населения России, но и среди профессиональных историков [1, с. 5, 6, 10]. Данный миф сформировался в 1930-е гг., когда все значительные события и достижения ассоциировались только с именем Сталина: «сталинские пятилетки», «сталинская конституция», «сталинские орлы»... Многие люди считали, что эпоха, в которой они жили, может называться «сталинской», ибо «благодаря воле, непреклонности и заботе великого Сталина» советский народ достиг благополучия, а государство стало процветающим. Данная традиция была продолжена авторами, настойчиво реанимирующими идеологию 1930-х гг. и создавшими, по определению М. Вайскопфа, библиотеку «сентиментального неосталинизма» [2, с. 161].

С другой стороны, в современном российском обществе и среди исследователей распространена диаметрально противоположная точка зрения: Сталин являлся инициатором всех трагедий советской истории – уничтожения крестьянства, массовых политических репрессий, катастрофического отступления Красной Армии в 1941 г... Но и здесь присутствует магия имени Сталина, используются идеологические клише «сталинская модернизация», «сталинский террор»... Благодаря такому ракурсу появилась возможность возложить всю ответственность за негативный опыт прошлого на одного человека: «Законы, учреждения, население в целом и отдельные политические лидеры,

как местного, так и центрального уровня, обычно отбрасываются как пассивные инструменты или жертвы в руках всемогущего Сталина». Роберта Маннинг назвала это удобное и всеохватывающее объяснение, в результате которого остаются неизученными многие важные аспекты социальной жизни и управления в 1930-е годы, научным культом Сталина [3, с. 6].

В последние годы одним из актуальных направлений является изучение механизмов формирования мифа о «великом вожде». С. Московичи, В. Глебкин, К. Богданов, Я. Плампер исследовали различные ракурсы существовавшего официального канона образа И. Сталина и позитивной рецепции его современниками [4–7]. Однако Дж. Кип и А. Литвин, анализируя научные сочинения Й. Хелльбека, И. Коэна и других исследователей, лишь отмечают сложность изучения мировоззрения и системы ценностей *homo sovieticus*. В тексте их историографического обзора, выполненного на самом высоком профессиональном уровне, нет упоминаний работ, авторы которых исследовали бы отношение советских людей – современников вождя к его деятельности [1].

Однако историки, изучающие советскую повседневность, социальные проблемы и политические репрессии в 1930-е гг., отметили наличие в обществе антисталинских настроений. Ш. Фицпатрик включила в свою монографию параграф «Образ Сталина в деревенской молве» [8, с. 321–330]. Авторам «повествования в документах» под руководством А.К. Соколова, использовавшим метод цитирования писем советских людей, удалось пока-

зять разнообразие мнений современников И. Сталина о мероприятиях власти, начиная с момента «социалистического наступления» в 1929 г. Самым значительным результатом данного исследования, на мой взгляд, является анализ повторяющихся сюжетов в содержании писем, что свидетельствует о совпадении мнений людей, проживавших в разных регионах страны [9].

А. Архипова и М. Мельниченко, собрав достаточно большой архив анекдотов о Сталине, сгруппировали их по проблемам: «Сталин и Ленин»; «Сталин на вершине власти»; «Народ ненавидит Сталина»; «Сталин сказал "Жить стало лучше", но не сказал кому»; «Сталин и террор». Ценным в данном исследовании является то, что авторы показали, как варьировались тексты анекдотов в разные годы. Кроме того, им удалось выявить отличие сюжетного фонда анекдотов, созданных в образованной среде и партийных кругах (в том числе в окружении Сталина), от свода анекдотов, зафиксированных в дневниках, письмах, доносах, сводках НКВД. Этот «другой фольклор» создавался рабочими и крестьянами, пытавшимися анализировать огромное количество политической информации и жизненные трудности с помощью традиционных фольклорных форм. Именно так, по мнению авторов, «все слои населения конструируют свой собственный антиобраз правителя» [10, с. 27–28].

Хорошо известно, что советские газеты, официальные документы, пропагандистские материалы создавали образ Сталина как ученика Ленина, мудрого руководителя и заботливого правителя. Однако многие современники осуждали жестокость вождя, его безразличие к судьбам людей, бессмысленность мероприятий, проводимых под его руководством. Об этих чертах, характерных для Сталина, писали в открытых заявлениях и анонимных посланиях, рассказывали анекдоты. Тем не менее даже в первой половине 1930-х гг. идея о преемственности власти трактовалась людьми далеко не однозначно. Некоторые, например, как авторы частушки, имевшей множество вариантов, принципиально не изменявших ее содержание, оценивали деятельность обоих руководителей только отрицательно:

Когда Ленин умирал,
Сталину наказывал:
«Крошки хлеба не давай,
Картошки не показывай!»

[11, ф. Р-2266, оп. 1, д. 153, л. 10].

Более распространенным было мнение, что Сталин предал идеалы Октябрьской революции,

провел ревизию марксизма и ленинизма. Подобные оценки содержатся в анонимных письмах и листовках, изъятых ОГПУ и НКВД на уральских заводах [12, ф. 4, оп. 8, д. 103, л. 83, 86, оп. 9, д. 217, л. 35–36, ф. 6, оп. 1, д. 1893 а, л. 128, 129; 13, ф. 17, оп. 7, д. 61, л. 9–10, 95]. Беспартийные рабочие Алапаевского завода, обращаясь в 1930 г. в ЦК ВКП(б), писали: «Ленин хотел через 50 лет построить социализм, а вы хотите в пять лет. Жив бы был Ленин, так неужели у нас бы опять повторился 20-й год. Он бы все обдумал и до этого нас не довел, а вы лезете к социализму напролом...» [14, с. 285]. Священник Киселев, житель Перми, комментируя газетные статьи о раскрытой в Москве антипартийной группировке М. Рютина, говорил: «Оппозиция правильно проектирует восстановить крестьянство и распустить колхозы. Ленин не позволил бы разорить крестьян, как разорил бывший семинарист Сталин» [15, с. 183].

Рабочие Лысьвенского завода, обращаясь к Сталину в 1933 г., писали о неразрешимых проблемах, с которыми они сталкиваются: «...Дальше терпеть мы не можем, нужна Ваша защита или указание. Мы голодаем и во всем терпим нужду, нашего заработка хватает только дней на 10 при такой дороговизне на все... Дальше так жить невозможно, голодать целыми годами. Вот уже прошло 16 лет после революции, а положение наше не улучшается, с каждым годом все хуже и хуже. Сахару вот уже около года не видим». Рабочие указывали на несправедливость в оплате труда, осуждали наличие закрытых распределителей для чиновников, сообщали о бедствиях крестьян. Одной из самых важных проблем рабочие называли информационную ложь: «Еще просим обратить внимание Вас, тов. Сталин, чтобы не замазывали нам глаза печать и радио» [15, с. 187–188].

Весьма показателен случай, произошедший в детском санатории Свердловской области: парторг во время обхода квартир с целью проверки подготовки к 1 мая 1934 г. обнаружила в квартире преподавателя В.К. Зырянова рисунок «с изображением Сталина, сидящего за столом в раздумье, правой рукой держит кружку, на столе стоит бутылка с вином и на тарелке лежит сухая, одни кости, селедка». На допросе он признал свое творение антисоветским. В обвинительном заключении указывалось, что портрет нарисован «с контрреволюционным смыслом». Кроме того, в докладной отмечалось, что дети высказывались «Сталин переделал Ленина» [16, ф. 1, оп. 2, д. 9849, л. 6, 10, 44]. За дискредитацию вождя в глазах учеников и коллег Зырянов был приговорен к пяти годам лишения свободы.

Во второй половине 1930-х гг. произвол власти и трудности жизни воспринимались многими людьми как свидетельство забвения Сталиным заветов В.И. Ленина, который, по их мнению, искренне заботился о народе. Идеализируя первого руководителя советского государства, они критиковали мероприятия ЦК ВКП(б), отказывались признать Сталина вождем. По стране «ходил» и был зафиксирован во многих оперативных сводках анекдот: «Почему Ленин ходил в ботинках, а Сталин ходит в сапогах? Ленин вел дело с обходом трудностей и болота, а Сталин ходит в сапогах и ведет народ прямо – без всяких обходов» [17, с. 53]. В докладной записке секретарю ЦК ВЛКСМ А. Косареву (1935 г.) отмечалось, что в школах Омской области ученики дискредитируют вождей: «Ленин любил ходить в ботинках, а Сталин предпочитает сапоги. Что бы это значило?» Правильным ответом у сообразительных школьников считалось: «Это означает, что Ленин вел нас по сухому, чистому пути, а Сталин все больше по болоту» [9, с. 310–311].

Настроения многих крестьян выразила в своем письме К.Ф. Шостакова из колхоза «Урал»: «Я часто вспоминаю Ленина – какой он добрый был для нас, крестьян. В те годы были сыты все, не было голодных. Рано помер Ленин. Теперь нам, бедным вдовам, хуже того порядка, что был до революции» [13, ф. 17, оп. 120, д. 232, л. 81]. В 1935 г. были арестованы молодые колхозники артели «Новый путь» (Пермский округ) за частушки, которые они исполняли публично:

Когда был царь, Николашка,
То давали мяса по ляжке,
Стал Ленин, стали давать помене,
А когда стал Сталин,
То совсем давать перестали.

Во время обсуждения отмены продовольственных карточек один из рабочих завода № 19 (г. Пермь), вопреки официальным заявлениям, назвал истинную причину данного мероприятия власти: «Я думаю, что у государства на 1935 год не хватит хлеба по рабочему снабжению. Надо из положения выходить, вот Молотов со Сталиным и выдумали отменить продовольственные карточки». Молодой колхозник Якушев из Чердынского района в письме к Сталину (17 ноября 1936 г.) откровенно признавался: «Колхозники ругают Советскую власть, а также и Вас... Я не знал, что есть такие мнения, но когда стал работать вместе с колхозниками, узнал. Я думаю, что Вы, дорогой вождь нашей партии, устройте положение колхозников» [15, с. 125, 196, 127–128].

В представлениях многих советских людей существовал миф об отсутствии у Сталина информации о реальном положении дел в разных городах и селениях, нашедший отражение в письмах и других документах. Так, студент горно-металлургического техникума М. Коряков (г. Нижний Тагил) обратился в ЦК ВКП(б) в 1934 г. с искренним желанием рассказать правду: «Т[ов]. Сталин, я решил написать это письмо, чтобы Вы ясными глазами увидели суть дела. Я буду говорить только о Свердловской области...» Автор письма рассказал о голодающих крестьянах, которых он увидел в Тагильском районе, об овсяном с мякиной хлебе: «После того, как Вы съедите этот хлеб, в горле у Вас начинает колоть, как шипами, и в зубах остается мякина». Студент-комсомолец, обращаясь к Сталину в надежде вызвать его сочувствие и понимание, перечислил проблемы рабочих: «Вы не стояли зимой в очередях днями с 4 часов для того, чтобы купить килограмма 3 хлеба по 2 рублю (почти всю зарплату дня)... В почете – даже у партработников – взятка... Всюду, где требовалось похлопотать, нужны были двадцатки, пятидесятки, сотни». М. Коряков уверенно утверждает: «Вы не слышали, что говорят рабочие пролетарии, у которых руки негибаются для того, чтобы взять карандаш! Вы не знаете, как живет рабочий (простой рабочий) Тагила... Т[ов]. Сталин! В газетах почти ничего не пишется о нуждах рабочего» [11, ф. Р-88, оп. 21, д. 98, л. 8–10]. За это письмо, названное следователями «ложным», М. Коряков был исключен из комсомола и отчислен из техникума.

Уральцы, как и жители других регионов страны, высказывали претензии по поводу незаинтересованности Сталина в получении сведений о жизни народа. В частности, рабочий Костров в своем письме обвинил советского лидера в том, что он не выезжает из Кремля: «У нас в РСФСР есть такие укромные места, куда ты отроду не бывал...» [14, с. 287]. Интересная интерпретация мифа об информационном барьере представлена в легенде «Христос у Сталина», несколько экземпляров которой были изъяты при обыске в квартире П.М. Башкирцева, жителя г. Новая Ляля Свердловской области. Автор этой легенды устами Христа, преодолевшего множество препятствий и попавшего на прием к Сталину, рассказал о случаях произвола при раскулачивании, о злоупотреблениях в период коллективизации, о бесчеловечности активистов и чиновников, обрекающих на голод и смерть беззащитных людей (вдов, сирот, инвалидов). Христос, заметив, что «много еще можно таких фактов привести», убеждал вождя:

«Не надо, товарищ Сталин, огораживать себя кремлевскими стенами и отделяться от живой массы... Надо знать и видеть, как страдает народ, и придти на помощь» [16, ф. 1, оп. 2, д. 17285, л. 87–100].

Однако большинство современников не имели никаких иллюзий и давали отрицательную характеристику реальности, используя такие названия, как «сталинская эпоха», «сталинский социализм», «сталинская власть» исключительно с негативным оттенком. Еще во второй половине 1920-х гг. сторонники Л. Троцкого на Урале сравнивали «сталинскую демократию» с самодержавием. А Белобородов, выступая 16 ноября 1927 г. на собрании в Верхнем Уфалее, говорил: «"Сталинскую демократию" в настоящее время можно свести к следующему, что он воображает себя "князем" Советской Республики. Призывает к себе Шверника и, давая Уральскую область, говорит: "...Правь ею, слушайся меня, а если не будешь выполнять директиву, я выгоню тебя"... И так сверху до низу... Все ослушники, которые осмеливаются не выполнять директивы Сталина, полетят из партии, если дальше будут продолжать, то и с производства» [18, с. 242–243].

В 1930-е гг. таких критических отзывов было чрезвычайно много. В частности, автор одной из листовок обратил внимание на «успехи», связанные с деятельностью Сталина: «Пора трезво взглянуть самим на созданную жизнь. На жизнь, которую называют сталинской эпохой. Довольно легкомысленно и механически... верить. Теперь уже не только взрослые, но и дети, и молодежь, и старые люди испытали и испытывают, ощущают эту проклятую, мучительную, подлую, полную обмана, подкупа, взяточничества, семейственности сталинскую жизнь» [16, ф. 1, оп. 2, д. 38518, л. 53, 84]. Авторы других воззваний и листовок называли такие черты «социализма по-сталински», как закабаление и бесправие народа, очереди за самыми необходимыми продуктами, сохраняющиеся в течение десятилетий советской власти, произвольные аресты, несправедливость судов, привилегии управленцев.

Автор анонимной открытки, призывая от имени трудящихся Свердловска и всей Свердловской области граждан страны «выступить против Сталина и его заговорщической банды», осуждает не только «чрезвычайный гнет, обнищание и одичание» народа, но и многочисленную «сталинскую агентуру (работники на местах)», которые «слепо повторяют лживые фразы сталинской банды», «игнорируют жизнь трудового народа». Автор утверждает: «Ста-

линская банда, как огня, боится трудящихся. Она... окружила себя чекистами – "сталинской охраной". Ни один из сталинской банды не может появиться без охраны к своему трудовому народу» [16, ф. 1, оп. 2, д. 38518]¹.

Удивительно глубокое понимание исторической трагедии страны представлено в листовке «Великий русский народ». Ее автор, молодой рабочий из г. Нижнего Тагила Г.В. Андрющенко, выразил свою боль такими словами: «Измученные – угнетенные – забитые рабы тирана – Нового Монарха... Вас обманули, вас вызывали на великое народное дело... Вас обманули, завязали вам глаза... Вами строят новые тюрьмы и вами их заполняют. У вас отобрали все права и средства. Вы стали темные, жалкие жертвы революции, которую сами сотворили» [16, ф. 1, оп. 2, д. 32329, л. 118].

Протесты-обличения не только попадали в архивы ведомств, но и на улицы – в виде листовок. В Москве осенью 1938 г. распространялись несколько таких посланий. В них содержались обвинения в искажении социализма руководителями Политбюро ЦК, в страданиях многих людей: «...Перед вами – реки крови и моря слез». Авторы утверждали, что в стране «власть не советская, а тех большевиков, которые подхалимствуют и раболепствуют перед Сталиным... негодяи без чести и без совести». Осуждая власть, которая «истребила и продолжает истреблять многих честных сторонников советской власти, социализма и коммунизма», авторы призывали: «Сталин и сталинцы должны быть уничтожены» [17, с. 245–246].

Массовые репрессии, свидетелями и жертвами которых стали сотни тысяч людей, вызывали непонимание современников. Однако некоторые из них считали единственным виновником Сталина. В лагерном фольклоре и лексиконе обычных людей были распространены выражения «сталинский курорт/санаторий», «сталинская дача», означавшие тюрьму и исправительно-трудовой лагерь; под выражениями «быть у Хозяина», «в гостях у Хозяина» понимали лишение свободы, заключение [19, с. 146, 583, 641]. Многие утверждали, что все эти события связаны с личными интересами Сталина и его ближайших соратников – с их желанием ликвидировать политических противников и соперников. Именно так оценили убийство С.М. Кирова инженер Уральского завода тяжелого машиностроения В.И. Игнатов, машинист железнодорожного отдела Челябинского тракторного завода Л.А. Кожевников и другие. Мнение многих о том, что процесс «Объединенного центра» организован Сталиным для

того, чтобы «убрать Г. Зиновьева», высказал электрик Тавдинского лесокombината П.И. Чирков. Желание Сталина избавиться от таких соперников, как Н. Бухарин и А. Рыков, многие считали очевидной причиной для проведения нового судебного процесса. В частности, медсестра О.И. Вольская (г. Нижняя Салда) заметила по этому поводу: «Два медведя в одной берлоге не живут» [16, ф. 1, оп. 2, д. 36399, л. 9; д. 22750, л. 13; 13, ф. 17, оп. 71, д. 61, л. 9, 96, 102].

Более того, репрессии против известных политических деятелей актуализировали архаические представления о народных «заступниках». В агентурных донесениях и сводках НКВД на Урале отмечались разговоры о том, что Л. Троцкий, Н. Бухарин, М. Тухачевский и иные преследуемые Сталиным руководители боролись за интересы рабочего класса, хотели улучшить жизнь трудящихся [13, ф. 17, оп. 71, д. 61, л. 99; 16, ф. 1, оп. 2, д. 20879, л. 25]. Такие представления были распространены и в других регионах Советского Союза. Студент Новочеркасского индустриального института высказывал среди партийцев свое мнение: «Зиновьев человек хороший, он действительно шел за массы» [9, с. 102]. Житель Горьковской области С.И. Лапшин открыто заявил на собрании: «Люди, которых расстреливают в Москве, это – наши люди... за нас и погибли» [20, ф. 1235, оп. 141, д. 2128, л. 35]. Сочувствуя жертвам Сталина, некоторые выражали надежду: «Все равно всех не пересадят – этих расстреляют, другие на их месте будут за правду стоять...» [16, ф. 1, оп. 2, д. 36399, л. 8 об.].

Эмоциональное осуждение антинародной политики Сталина с особой экспрессией выражалось в анекдотах, сочинение и пересказ которых, квалифицируемые как антисоветская пропаганда и дискредитация лидера партии, наказывались очень жестоко – вплоть до расстрела. Не имея возможности протестовать открыто, люди выражали в анекдотах свои надежды на смерть вождя. В частности, в одном из анекдотов рассказывалось о том, как «однажды Сталин купался, поднялась буря, и он стал тонуть. В это время по берегу шли колхозники. Один бросился спасать тонущего человека. Благодарный Сталин заговорил о награде, но колхозник просил не делать этого и даже никому не говорить: "Если кто-то узнает об этом, меня убьют!"» [16, ф. 1, оп. 2, д. 16991, л. 18].

Сюжет другого анекдота – беседа Сталина, прогуливающегося по Кремлевской стене, со случайным прохожим на тему «Что можно считать несчастьем, а что – несчастным случаем».

На этот вопрос вождя собеседник ответил: «Вот если бы Вы, Иосиф Виссарионович, теперь упали и разбились – это был бы несчастный случай; а если Вы упадете и не разобьетесь – это будет несчастье» [16, ф. 1, оп. 2, д. 20880, л. 96]. Поводом для открытых высказываний о желании смерти вождю являлись известия о смерти или гибели других политических деятелей. Особенно много таких свидетельств в документах спецслужб сохранилось в связи с убийством С.М. Кирова. Например, согласно данным спецсводки секретно-политического отдела Пермского сектора НКВД работница больницы завода им. Орджоникидзе С.Л. Куницына говорила: «Жаль, что убили не Сталина» [15, с. 196].

Некоторые современники, отмечая противоречие между официальным и частным поведением людей, объясняли данный парадокс жестокостью власти Сталина. В частности, именно на этой характеристике политической системы акцентировал внимание житель Ленинграда в письме своему другу-коммунисту (26 марта 1935 г.): «...Получается как-то удивительно странно: на поверхности – митинги, манифестации, [выражение] поддержки [политики правительства], а внутри своих квартир и в гостях у своих хороших знакомых – критика. Такова чеканка медали диктатуры Сталина – сиречь диктатуры пролетария[та]» [15, с. 200]. Страх перед неограниченной властью Сталина и его жестокостью отражался даже в снах советских людей. Ирина Паперно, анализируя содержание снов в сталинское время, сделала вывод: «Общим для этих сновидцев является политизация страха и персонификация этого чувства в лице властителя» [21].

У многих людей вызывали раздражение постоянное упоминание имени Сталина, его портреты и бюсты, «украшавшие» фасады зданий, стены официальных учреждений, театров, детских садов, бараков. Степан Подлубный, сын раскулаченного крестьянина, оказавшийся в Москве и искренне желавший стать новым советским человеком, постоянно подвергался гонениям. В 1937 г. он расстался со своими иллюзиями и в дневнике критиковал политику власти, называя Сталина «наш русский Нерон», упрекал его в «незаслуженных похвалах и приписывании добрых деяний, а также обоготворении...» [Цит. по: 22, с. 18]. В меморандуме начальника секретно-политического отдела Пермского ОГПУ на заведующего технической библиотекой завода № 9 (г. Пермь) И.П. Вороницына помимо сообщения о «контрреволюционных высказываниях» отмечалось «недовольство по поводу частого упоминания в газетах товарища Сталина и

увязывание его имени с достижениями в области соц[иалистического] строительства» [15, с. 190]. Даже подростки, создавшие в Киеве «Союз мыслящей интеллигенции», обсуждали вопрос: «Почему так часто везде и всюду в докладах, в прессе вспоминают любимого вождя товарища Сталина?» [23, с. 349]. Ян Плампер, ссылаясь на сотрудницу Третьяковской галереи, указывает, что на выставках сталинских портретов в 1930-е гг., как правило, не было книг отзывов – вместо них устанавливали ящики, в которые посетители могли опустить листки с отзывами. Такая система позволяла отфильтровывать «хулиганские» [7, с. 324].

Аркадий Маньков, живший в Ленинграде, работавший сначала на заводе, затем в библиотеке, учившийся на историческом факультете университета, внимательно наблюдавший за происходившим вокруг и записывавший впечатления в своем дневнике, не упоминает имени Сталина. Однако запись 23 апреля 1933 г. позволяет понять его отношение к вождю: «На Обводном у газетчика купил только что вышедший номер «Литературного Ленинграда» в надежде прочесть что-либо свежее, живое и жгучее... Развернул – острый ток отвращения прошел по мускулам, пальцы импульсивно разжались и газета упала на мостовую... Добрую половину первой страницы занимал портрет Сталина...» [24, с. 41].

В 1930-е гг. именно портреты стали объектами агрессии людей, терпеливо слушавших обещания вождя и, как правило, смиренно выполнявших свои профессиональные обязанности. В судебном-следственных делах сохранились вещественные доказательства дискредитации вождя партии и государства – плакаты и фотографии с изображениями высших функционеров: некоторые из них были разорваны, в другие стреляли из рогаток или обрезов, третьи могли быть исцарапаны острыми предметами, на четвертых имелись оскорбительные «художественные дополнения». Сотрудникам НКВД приходилось работать с «портретными» делами, наглядно демонстрировавшими истинное отношение к И. Сталину и другим политическим лидерам. Как правило, за такие действия обвиняемые получали от пяти до десяти лет исправительных работ, иногда – расстрел [25; 26].

Особенно трудно было смириться с реальностью участникам гражданской войны, в 1918–1920 гг. защищавших идеалы революции с оружием в руках. Они открыто осуждали Сталина, а порой откровенно говорили о чувстве ненависти к нему, не боясь последствий.

Например, А.Л. Назукин, считавший делом своей жизни защиту советской власти, в знак протеста бросил в огонь паспорт, орден Красного знамени и изорвал портреты Сталина, за что был приговорен к расстрелу [27, ф. 1, оп. 1, д. 12945, л. 46, 151, 183, 185]². Архивные документы свидетельствуют, что такие случаи не были единичными. Разочарование и отчаяние, усиливавшиеся с каждым годом, определяли образ мыслей и действия этих людей. Многие задавали вопрос: «За что мы воевали?». Некоторые высказывали мнение о необходимости новой революции [16, ф. 1, оп. 2, д. 25238, т. 3, 16, 17; 27, ф. 1, оп. 1, д. 129452; ф. 2, оп. 1, д. 26710].

Даже краткий экскурс в историю отношений «вождя» и народа позволяет понять, что современники вполне объективно оценивали личность и характер политических действий И.В. Сталина, иногда крайне эмоционально реагируя на происходящее. Для выражения недовольства и осуждения сталинской политики советские люди использовали все доступные им средства: письма, анонимки, анекдоты, частушки и другие формы «дискредитации вождя». Следует отметить, что даже прошения нередко имели критический подтекст. Естественно, остаются актуальными и необходимыми дальнейшие комплексные исследования исторических источников по данной проблеме, которые позволят более полно раскрыть соотношение «всеобщей любви» народа к «товарищу Сталину» и негативного восприятия его деятельности.

Примечания

1. Следует обратить внимание, что в данном деле сохранились в оригинале шесть открыток, написанных разными почерками. Следователи пытались обвинить в их написании одного из арестованных. Подтверждением того, что открытки написаны разными людьми, а не сфальсифицированы следователями, являются штампы почтовых отделений г. Свердловска, г. Москвы и приемных учреждений, в которые открытки были адресованы. Как многие подобные корреспонденции, они были возвращены «для разбирательства» в местные органы власти.

2. В настоящее время документы этого архива переданы в Государственный общественно-политический архив Пермской области.

Список литературы

1. Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России: Современная историография. М., 2009.
2. Вайскопф М. Писатель Сталин. М., 1996.

3. Маннинг Р. Бельский район, 1937 год. Смоленск, 1998.
4. Московичи С. Век толп. М., 1998.
5. Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре. М., 1998.
6. Богданов К. Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры. М., 2009.
7. Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М., 2010.
8. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: декабрь. М., 2001.
9. Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах. М., 1998.
10. Архипова А., Мельниченко М. Анекдоты о Сталине: Тексты, комментарии, исследования. М., 2011.
11. Государственный архив Свердловской области.
12. Центр документации общественных организаций Свердловской области.
13. Российский государственный архив социально-политической истории.
14. Урал. XX век. Екатеринбург, 1997.
15. Политические репрессии в Прикамье, 1918 – 1990-е гг. Сборник документов и материалов. Пермь, 2004.
16. Государственный архив административных органов Свердловской области.
17. Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992.
18. 37-й на Урале. Свердловск, 1990.
19. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998.
20. Государственный архив Российской Федерации.
21. Паперно И. Сны террора (сон как источник для истории сталинизма) // Новое литературное обозрение. 2012. № 4 (116). С. 227–267.
22. Хелльбек Й. Повседневная идеология: жизнь при сталинизме // Неприкосновенный запас. 2010. № 4 (72). С. 9–22.
23. Риттершпорн Г.Т. Формы общественного обихода молодежи и установки советского режима в предвоенное десятилетие // Нормы и ценности повседневной жизни. Становление социалистического образа жизни в России, 1920–1930-е годы. СПб., 2000. С. 347–367.
24. Маньков А.Г. Дневники 30-х годов. СПб., 2001.
25. Быкова С.И. Советская иконография и «портретные дела» в контексте визуальной политики, 1930-е годы // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. М., 2009. С. 105–126.
26. Быкова С.И. «Наказанная память»: свидетельства о прошлом в следственных материалах НКВД // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2009. № 2. С. 38–54.
27. Государственный архив по делам политических репрессий Пермской области.

A LEADER AS AN ENEMY: ADVERSE CONNOTATIONS OF STALIN'S IMAGE IN MODERN MINDS

S.I. Bykova

Using different documents (such as Soviet citizens' letters to official bodies, private correspondence, anecdotes, couplets), the author notes that the leader's contemporaries had different opinions and showed their negative attitude to the social policy, elimination of democracy in the party and in the state, and political repressions, which, in their opinion, were initiated by Stalin.

Keywords: Stalinism, Soviet political culture, political beliefs, Soviet people.